

ДЖУЛИАН ХЕРМСЕН

ДОМ,
В КОТОРОМ
МЕНЯ НЕТ

история о внутренней тишине,
чужих ожиданиях
и выборе своего пути

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 159.92
ББК 88.52
Х39

Original title:
DIE FRAU, DIE IHRE TRÄUME WIEDERFAND:
Eine wahre Geschichte über das, was wirklich zählt im Leben,
by Julian Hermsen

© 2022 by Kailash Verlag,
a division of Penguin Random House Verlagsgruppe GmbH, München, Germany.

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
fox_workshop, Vera Petruk / Shutterstock / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock / FOTODOM

Хермсен, Джулиан.

Х39

Дом, в котором меня нет : история о внутренней тишине, чужих ожиданиях и выборе своего пути / Джулиан Хермсен ; [перевод с немецкого Н. В. Москаленко]. — Москва : Эксмо, 2026. — 208 с.

ISBN 978-5-04-234795-5

Леона живет в идеальных декорациях: успешный муж, красивый дом, «правильное» будущее. С детства ее учили быть удобной и выбирать то, что одобряют другие, поэтому собственные желания остались в далеком прошлом. Мечту стать врачом и помогать тяжелобольным детям она оставила как «слишком опасную» и «неподходящую».

Годы послушания приводят к апатии и депрессии. Когда таблетки перестают помогать, Леона уезжает в тибетский монастырь в попытке услышать себя. Во время опасного подъема в горы она, ступая с рюкзаком, наполненным раскаленными камнями, что символизируют подавленные страхи и обиды, окончательно понимает, что с таким грузом невозможно ни вернуться назад, ни идти дальше.

Хватит ли ей сил не сорваться? И не станет ли монастырское послушание новой клеткой, из которой она снова захочет сбежать?

УДК 159.92
ББК 88.52

ISBN 978-5-04-234795-5 © Москаленко Н.В., перевод на русский язык, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1. САМА СЕБЕ ТЮРЕМЩИЦА

Новый день наступил, но не принес ничего нового: ни надежды, ни сил. Я чувствовала себя полностью опустошенной.

Мы с Томасом уже четыре года жили в огромном доме в пригороде Бремена. Для двоих он был до абсурда просторный. На верхнем этаже тянулись спальни, у каждой — своя ванная; рядом располагались гардеробные и просторный кабинет. Внизу гостиная и столовая сливались в единое пространство и походили скорее на лобби роскошного восточного отеля, чем на жилую комнату. В подвале Томас оборудовал настоящий кинозал, но за все эти годы я так там и не посмотрела ни одного фильма. В саду стояла широкая деревянная терраса с лежаками и маркизой, а дальше простирался огромный газон, идеально ровный, словно вычесанный гребенкой.

Томас держал ресторан с мишленовской звездой, и там всегда было полно известных людей: политиков, спортсменов, предпринимателей. Моего мужа знали не только в городе, но и далеко за его пределами; он входил в правление футбольного клуба, был доверенным лицом мэра, а его телефонная книга

содержала список самых влиятельных имен в регионе. Его день начинался в половине шестого утра и редко заканчивался раньше одиннадцати вечера; иногда казалось, что у него и вовсе нет конца. Последние годы он проводил больше времени в командировках и гостиницах, чем дома. Мы почти не виделись: иногда звонили друг другу, иногда проводили вместе выходные.

Так я представляла себе счастливый брак? Конечно, нет.

Мой день тоже начинался в полшестого. Я заранее готовила для Томаса костюм и галстук, оставляла их на стуле в гардеробной и спускалась на кухню, чтобы поставить кофе. Через несколько минут он появлялся, делал пару торопливых глотков еще слишком горячего напитка, чмокал меня в щеку и уходил, чаще всего не сказав, во сколько вернется вечером, да и вернется ли вообще. После этого в нашем огромном доме воцарялась тишина.

Каждый день был похож на предыдущий, как две капли воды. Все повторялось, словно я жила в своем личном дне сурка. Утром я обычно ломала голову, чем заняться. Работы у меня не было: Томас хотел, чтобы я вела дом и присматривала за собакой. Я садилась в наше большое кресло «ушами», брала в руки чашку кофе и спрашивала себя: где я свернула не туда. Мне было двадцать четыре. После школы у меня были грандиозные планы — я мечтала стать врачом. Не ради денег или карьеры, не ради вывески «доктор чего-то там» на двери, а чтобы поехать в Африку и хоть немного помочь живущим там людям. Каждый раз, когда я видела фотографии голодных детей, у меня все внутри сжималось. И вместе с жалостью поднималась злость:

я никак не могла понять, как можно спокойно жить, зная, что где-то рядом люди умирают от истощения. «Словно у нас в мире не хватает ни денег, ни ума, чтобы все это остановить!» — бормотала я сквозь зубы. Мне до боли хотелось хоть чем-то помочь, внести свой вклад в то, чтобы это бессмысленное страдание закончилось, чтобы у тех, кому хуже всего, появилась какая-то надежда на нормальную жизнь. Но вместо этого я сидела в огромном пустом доме и, молодая, полная сил, не делала ровным счетом ничего.

Я смотрела сквозь большие окна на террасу. Солнце уже вошло, и я подумала: «Ну что ж, еще один день в никуда». Я не понимала, ради чего вообще нужно вставать с этого кресла, и чувствовала, будто ноги приросли к полу. Дом был безупречно чист, как всегда. На уборку уходил час, не больше: где нет людей, там и грязи не бывает. Бенни, наш коричневый лабрадор, после пробежек по саду выглядел довольным. Дел у меня не было. Я просто плыла в потоке мыслей. Все казалось пустым и безжизненным.

Звонок телефона прервал мое оцепенение. На экране высветилось «Мария» и две кнопки: «Ответить» и «Отклонить». «Черт... ну ладно, придется ответить», — подумала я, заранее раздраженная предстоящим разговором. Мама звонила каждый день и говорила всегда об одном и том же; если не она, то отец. Одна и та же пластинка уже шесть лет.

— Привет, мама.

— Леона, как приятно тебя слышать. Как ты сегодня? — По ее голосу я сразу поняла, что ей приходится изображать спокойствие.

— Да как обычно. А вы?

Я услышала тяжелый вздох с короткой паузой.

— Мы с папой записались к нотариусу, ты ведь знаешь...

В сердце у меня возник тот самый знакомый букет чувств и, как волна, накрыл меня полностью: злость, раздражение, бессилие, отчаяние. Все сразу, и больше ничего. «Ну конечно знаю», — мелькнуло у меня в голове.

— Мама, я уже просто не понимаю, что отвечать. Я же столько раз говорила: мне это не нужно, — я грубоко вдохнула и замолчала, чувствуя, что разговор скоро доведет меня до белого каления.

На том конце повисла тишина. Потом стало слышно, как мама тихо переговаривается с отцом, но слов я не разобрала.

Она снова заговорила:

— Леона, ты же наша единственная дочь. Для нас так важно, чтобы ты продолжила дело семьи. Кто, если не ты? Без нашей фамилии... Знаешь, твой прадед...

Я не дала ей договорить, просто сбросила звонок и выключила телефон. Было понятно, как дальше пойдет этот разговор. Мой прадед когда-то открыл мебельный магазин. Потом его дело продолжил дед, а родители взяли управление на себя, когда им было чуть за тридцать. Магазин стал для них чем-то вроде еще одного ребенка. Теперь, по их логике, очередь дошла до меня. Проблема была в том, что сама мысль о магазине вызывала у меня отвращение. Мне было абсолютно неинтересно продавать мебель, да и вообще работать в месте, где жизнь — это бесконечные разговоры о столах, шкафах и креслах. А уж быть директором на бумаге, когда на деле всем командуют родители —

тем более. Я их знала: они ни за что не позволили бы мне поступать по-своему.

После разговора я обычно чувствовала себя ужасно: виноватой и выжатой. Поэтому, как всегда, включила телефон и перезвонила маме.

— Леона?

— Мама, прости, я не хотела. Просто у меня больше нет сил это обсуждать. Мы все время ходим по кругу. Вы же знаете, чего я на самом деле хочу, но не готова меня услышать.

— Уехать в Африку врачом? — в ее голосе были и раздражение, и испуг. — Как ты думаешь, сколько ты там протянешь? Ты хоть видела статистику преступности? Там ведь как в трущобах Рио! А здесь у тебя готовый бизнес, клиенты, репутация, стабильность. Я тебя не понимаю. Совсем не понимаю.

Пауза.

Мама не стала ждать моего ответа, просто сообщила, что заедет, и между делом спросила, не нужно ли мне чего-нибудь из супермаркета. Я выдохнула и сдалась.

— Нет, спасибо. Тогда до встречи, — сказала я и положила трубку, уже понимая, что от маминого визита не отвертеться.

Я опустилась обратно в кресло, наклонила голову и какое-то время просто сидела, ощущая, как внутри все обмякло. Сил не было ни на что. Минут через пятнадцать раздался звонок. Я нехотя поднялась, надела меховые тапочки и поплелась к двери. На пороге стояла мама как с картинки: дизайнерское платье, идеальная укладка, макияж, дорогая сумка.

— Господи, Леона, ты только взгляни на себя! — ахнула она. — Что, если соседи тебя увидят?

Она с отвращением осмотрела мои шорты и розовые пушистые тапочки. Я натянута улыбнулась и жестом пригласила ее войти. Следом появился отец, как всегда в безупречном костюме. Он обнял меня, поцеловал в щеку и, конечно, ничего не сказал о моем внешнем виде. Он вообще редко что-то говорил, человек он был тихий и сдержанный. В их семье мама определенно играла роль премьер-министра, а папа — министра примирения.

Я закрыла дверь и увидела, что мама уже возится на кухне с кофемашиной, будто со своей собственной.

— Какой чудесный дом, Леона! — сказала она, оглядываясь. — Альберт, посмотри, какая планировка! Просто великолепно. Томас, конечно, молодец. И знаешь почему? Потому что он сосредоточен на деле и не тратит время на ерунду. Он целеустремленный, трудолюбивый мужчина. Тебе бы поучиться у него, Леона, — добавила она и аккуратно заправила за ухо выбившуюся прядь.

Я промолчала и только кивнула. Мы сели за длинный обеденный стол, родители по одну сторону, я напротив. Все это выглядело как допрос. Я всегда чувствовала себя в такие моменты без вины виноватой. Мама смотрела на меня в упор, явно чего-то ожидая.

— Ну? — спросила я, уже чувствуя, как раздражение подступает к горлу.

Мама закрыла глаза, глубоко вдохнула, выдохнула протяжно, будто собираясь с силами, и сказала:

— Мы с папой тут подумали... нам кажется, ты до сих пор не справились с прошлым. Правда ведь, Альберт? — она повернулась к отцу и приподняла брови, передавая ему слово.

Папа слегка привстал, словно его подтолкнула невидимая сила. Он был человеком мягким, терпеливым, и мир в семье для него всегда стоял на первом месте.

— Леона, — начал он осторожно, — мы сегодня записали тебя к доктору Менгер. Очень просим тебя сходить. Ты же помнишь, как она тогда тебе помогла...

— Папа! — перебила я. — Я три года ходила к ней, когда мне было плохо. Это в прошлом. Сейчас все по-другому. Я не хочу возвращаться туда, не хочу снова копаться в себе. Дайте мне просто жить своей жизнью.

Мама посмотрела на меня так, будто я сморозила какую-то глупость.

— Я тоже много чего не хочу, — произнесла она ледяным тоном, — но кое-что делать нужно, нравится тебе или нет. Так больше продолжаться не может. Любая другая дочь была бы счастлива получить такую возможность, какую мы тебе предлагаем уже столько лет.

— Я не любая другая дочь, мама, — сказала я, и голос мой неожиданно сорвался. — Вы ведь знаете, чего я хочу. Я просто прошу вас это принять. Вы мне важны, я не хочу ссориться и терять вас. Только поэтому мы еще разговариваем. Но я не буду продолжать ваш мебельный бизнес. Не буду! И чем сильнее вы давите, тем больше отталкиваете меня. Разве вы не видите, что я хочу другой жизни?

Папа отвел взгляд, уставившись куда-то в направлении кухни, будто надеялся, что проблема рассосется сама собой. Мама сидела неподвижно, с каменным лицом. Потом вдруг встала, подняла с пола сумку, вытащила из нее какой-то сложенный листок и швырнула его на стол; после этого взяла папу под руку, и, не сказав ни слова, они вышли из дома.

Я осталась одна. Опять. Слезы потекли по щекам. Почему им безразлично, чего я хочу? Почему мои мечты для них ничего не значат? Почему все, что для них важно, — это фамилия и бизнес?

Иногда я ловила себя на мысли, что мне жилось бы легче, если бы во мне не было этого болезненного желания всем угодить, особенно родителям. Мне хотелось жить с ними в мире, без споров. Я все время чувствовала обязанность быть хорошей дочерью. Мечтала, чтобы они мной гордились. Хотела их признания, внимания.

Через какое-то время я придвинула к себе маленький листочек, который мама бросила на стол перед уходом. На нем было напечатано название клиники: «Доктор медицины Катарина Менгер — психиатрия и психотерапия». А ниже, на трех аккуратных линиях, стояло сегодняшнее число, время и мое имя — Леона, 14:30. Я устала на эту карточку.

Четыре года назад я уже лечилась у доктора Менгер. Тогда родители ясно дали понять, что на медицинское образование я от них помощи не получу. Томас тоже не поддержал мои планы, и я все глубже погружалась в отчаяние. Перестала выходить из дома, не встречалась с друзьями. Постепенно и они перестали звонить. Я была ужасно разочарована миром, и прежде всего своей семьей. А потом просто сдалась. То, что я вообще жива, — заслуга случайного прохожего, который утащил меня с железнодорожных путей за мгновение до встречи с поездом.

Дальше началось самое тяжелое время в моей жизни. Для всех вокруг я превратилась в местную сумасшедшую. Даже те немногие, кто оставался рядом,

стали обходить меня стороной. В маленьком пригороде слухи разносятся быстро, и вскоре я заметила, что люди просто переходят на другую сторону улицы, завидев меня.

Доктор Менгер тогда поддержала меня больше, чем кто бы то ни было. Она помогла понять, почему все так случилось, и принять то, что произошло. Я чувствовала себя загнанной в угол, использованной, лишенной выбора. И она снова и снова объясняла мне, что испытывать такие чувства — нормально, что я имела право быть разочарованной, обиженной, вымотанной. И сейчас я иногда думаю: а что было бы, если бы в тот вечер мой будущий спаситель не гулял с собакой вдоль железной дороги? Перст судьбы? Случайность? Просто удача? И вообще, хорошо ли, что он оказался там? Или, может быть, все было бы проще, если бы меня тогда не спасли?

После того случая я изменилась навсегда. Раньше, в школе, я была веселой, открытой девчонкой с кучей друзей. Учителя с начальных классов отмечали, что я добрая, отзывчивая, всегда готовая помочь. Я любила учиться, окончила школу с отличием и начала строить планы. Медицина, Африка, помощь людям — вот что я тогда видела впереди. Но все пошло совсем не так.

Измотанная всеми этими мыслями — о прошлом, о родителях, о том, что не сбылось, — я взяла злополучный талончик от доктора Менгер, подошла к холодильнику и прицепила его магнитом. Решила, что пойду: ведь все равно не отстанут. Пусть будет так, один раз схожу.

До встречи с психотерапевтом еще оставалось время. Я прибралась на кухне, переоделась и позвала

Бенни гулять. Он сразу прибежал из своего загончика в глубине дома — радостный, хвост ходуном. Запрыгнул на меня, поставив лапы на плечи. Я засмеялась. В моменты, когда Бенни так по-детски радовался, я чувствовала настоящее тепло. Эти минуты с ним были, наверное, единственными, когда я ощущала хоть крупицу счастья.

Наш дом стоял прямо у большого лесного массива, в центре которого было озеро. Мы с Бенни ходили туда каждый день. Я свернула на знакомую тропинку и машинально начала искать глазами Тесс, соседку и подругу. Мы с ней часто встречались здесь: у нее был мопс, она гуляла с ним почти в то же время, что и я.

Тесс стала для меня настоящей находкой. Единственной, с кем я могла говорить обо всем, единственной, кто никогда меня не осуждал, и моей единственной подругой. Она знала обо мне все: и про Томаса, который вечно пропадал, и про родителей, которые пытались навязать мне свое мебельное наследие, и даже про тот случай на железной дороге.

— Леона! Привет! — услышала я издалека ее звонкий голос.

Тесс шла мне навстречу, улыбаясь. Она подошла и сразу крепко меня обняла. Я прижала ее к себе. Она всегда чувствовала, когда мне плохо.

— Ну что, рассказывай, как день? — спросила она, отстранившись и посмотрев мне в глаза.

Я ответила взглядом, и она поняла без слов.

— Опять все плохо? — тихо спросила Тесс. — Томас или родители?

Мы пошли дальше, углубляясь в лес, и разговор продолжился без всяких усилий.

— Как всегда, и то и другое, — вздохнула я. — Я больше не могу это терпеть. Сегодня мама заявила и, представь себе, записала меня к моей старой психотерапевтке! Как будто мне четырнадцать! — Я посмотрела на Тесс, ожидая реакции.

— Ох, Леона.. — протянула она, качая головой. — Я бы тоже взбесилась. Ненавижу, когда начинают командовать. Она что, вдруг воспылала заботой?

Я рассмеялась громко, зло, хрипло:

— Заботой? Да ни за что. Они с отцом сегодня ходили к нотариусу, чтобы оформить на меня их бизнес. А я, как обычно, сказала, что не хочу. Вот теперь у них новый план: убедить меня через психотерапевта, — я пожала плечами. — Впрочем, я все равно, наверное, схожу. Вдруг доктор Менгер поможет понять, как с этим справиться. Я действительно не знаю, что делать. Не хочу разочаровывать родителей, не хочу злить Томаса.. но выходит, что, как ни крути, всех подвожу.

Тесс остановилась, мягко положила руку мне на плечо и посмотрела прямо в глаза.

— Леона, послушай. Это же твоя жизнь. И решать должна ты — что, зачем и как. Но то, что ты согласилась пойти, — правильно. Это не слабость, наоборот, сила. Нужно мужество, чтобы признать, что помощь может тебе пригодиться, — она крепко обняла меня.

Я почувствовала, как по щеке скатилась слеза, и в этот момент подумала, как же мне повезло, что в моей жизни все еще есть кто-то вроде Тесс. Мы пошли дальше, обошли озеро по кругу, наблюдая, как наши собаки резвятся и возятся в траве. Погода стояла чудесная: теплая, мягкая, весенняя. Солнце пробивалось сквозь молодые кроны деревьев, воздух пах влагой и листвой. Я впервые

за день почувствовала тень спокойствия. Возникло ощущение, будто все, может быть, еще не так уж плохо.

Когда мы прощались, Тесс шепнула мне на ухо:

— Позвони вечером, ладно? Расскажешь, как все прошло. Держись, Леона.

Возле дома я столкнулась с почтальоном. Он протянул мне кипу писем и пожелал хорошего дня. Почты у нас было всегда много. Ну, как у нас... у Томаса. Я просмотрела конверты: адвокат, счета из отелей, письмо из мэрии, уведомление из спортклуба. Для меня, как обычно, ничего.

Я сложила их в стопку перед дверью в кабинет Томаса. Потом переделась: джинсы, простая футболка — достаточно, чтобы не выглядеть неряшливо. Проверила сумку, убедилась, что взяла записку с адресом и временем, и вышла.

Через двадцать пять минут я подъехала к зданию клиники. Когда свернула в знакомый переулок и увидела тот же тесный двор, те же узкие парковочные места, те же три ступеньки к заднему входу, меня словно током ударило. Все разом всплыло: те дни, то состояние, больничный запах. Сердце забилось быстрее, дыхание стало тяжелым. Тогда меня привезла Тесс — я сама просто не могла сесть за руль.

Я открыла дверь и вошла в холл. Обстановка выглядела почти так же, как раньше: старый дом, высокие потолки, лепнина, большие окна. В воздухе пахло кофе и чем-то успокаивающим. Администратор за стойкой приветливо улыбнулась. Я показала ей карточку с записью, она кивнула и попросила подождать в холле.

В комнате сидели еще двое. Один из них, мужчина лет семидесяти, уставился на меня не моргая.

Его взгляд был таким пристальным, что мне стало не по себе. Я старалась не реагировать. Хотя я выросла среди людей, у которых на все были ярлыки и предубеждения, я научилась не делать поспешных выводов. Но все равно почувствовала неловкость. Он смотрел слишком внимательно, слишком долго.

Я взяла с журнального столика газету, надеясь отвлечься. Через пару минут подняла глаза — теперь он точно так же пялился на другого посетителя. Я облегченно вздохнула: с одной стороны, дело, значит, не во мне. С другой — стало жутко. «Я вот сижу с ним в одной очереди, — мелькнуло в голове, — значит, я тоже... больная? Сломанная?»

Прежде чем я успела погрузиться в эти мысли, дверь кабинета открылась. На пороге появилась та же девушка-администратор и кивнула мне:

— Госпожа Вайс, можете проходить.

Она провела меня по короткому коридору в уютный кабинет. Комната была светлая, оформленная со вкусом, явно новая — я не помнила ее с прежних встреч. В кресле у окна сидела доктор Менгер. На ней были длинный черный юбочный костюм и блузка с цветочным узором. Она тепло мне улыбнулась и пригласила сесть. Я опустилась в кресло напротив, поставила сумку себе на колени и, не осознавая почему, вцепилась в нее обеими руками.

— Леона, я очень рада вас видеть. Вы прекрасно выглядите, — сказала доктор Менгер, ласково улыбаясь.

— Спасибо, — ответила я, чуть нервничая, — но этот прием назначили мои родители.

— Да, — кивнула она. — Ваша мама, верно?